

A close-up photograph of a large, reddish-brown balloon. The balloon's surface is textured and shows some wear, with several thin, dark ropes or lines extending downwards from its base. A small, circular, metallic-looking vent or hole is visible on the upper part of the balloon. The background is a soft, out-of-focus greenish-grey. The text is written in a bold, white, hand-painted style.

ДОМ НА ВЕРШИНЕ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

—

ПАВЕЛ ШУШКАНОВ

Павел Шушканов

**Дом на вершине.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Шушканов П.

Дом на вершине. Сборник рассказов / П. Шушканов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853622-9

Четырнадцать рассказов о тринадцати разных мирах. В бесконечном количестве реальностей каждая из этих историй вполне может оказаться правдой.

ISBN 978-5-44-853622-9

© Шушканов П.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Короткие волны	7
Младшая группа	10
Сегмент памяти	15
Нам нужно жениться!	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дом на вершине

Сборник рассказов

Павел Шушканов

© Павел Шушканов, 2022

ISBN 978-5-4485-3622-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Иногда я публикую свои рассказы. Просто собираю накопившиеся за несколько лет тексты, которые появились после участия в литературных конкурсах или просто написанные в порыве вдохновения или в результате усердной работы, и публикую. Так однажды появился первый сборник короткой прозы, а теперь выходит к читателю второй.

Почему сборник? Я уверен, что рассказы в отдельности (их все можно найти на просторах Интернет и в тех журналах, которые заинтересовались моей прозой) хотя и рассказывают свои, отдельные от других, истории, но совсем не передают той цельной картины, которой иногда хочется поделиться с читателем. Это как мозаика, каждый фрагмент которой – мозаика поменьше.

Проблема любого сборника – увлечь читателя. Ведь короткий рассказ погружает его в выдуманный мир на совсем короткий срок, знакомит с персонажами, но на пару страниц и следующий рассказ предлагает начать все с начала. Вот поэтому читатель, как правило, чувствует себя несколько обманутым и с недоверием относится к сборникам короткой прозы.

А вот поэтому маленьким спойлером я кратко опишу то, о чем можно прочитать здесь. Итак, начнем со странного лета 1978 года, известного большой магнитной бурей и тем, что в этот год с Марса вернулась первая экспедиция; почитаем про со степного демона, от которого не существует спасения, а после отправимся на просторы Сибирского моря, поглотившего большую часть материка. Далее нас ждет механический мир, о законах которого страшно даже подумать, не то, чтобы изучить их; похититель людей с очень своеобразными мотивами; история о бесконечном мире, опутанном железными дорогами, у которого нет горизонта и человеке, для которого каждый день начинается в совершенно новом мире. И еще история о том, почему нельзя просто взять и срубить дерево.

Короткие волны

– Эй, ты идешь, или так и будешь там стоять?

Саша сделал вид, что не слышит. Двое мальчишек пожалы плечами и скрылись за зданием школы, а Саша опустил на траву, обняв коленки, и посмотрел в небо. До заката оставалось часов пять, но нестерпимо хотелось звезд, особенно той, что с каждым часом все ближе.

Урок подходил к концу – физкультура на школьном дворе, где под не очень внимательным присмотром сутулого тренера мальчишки гоняли мяч, а Саша сидел со своей справкой и грустными мыслями на старом бревне у невысокого забора. Насчет справки завуч не знала и ожидала его в кабинете только через четверть часа. Но уже сейчас он слышал ее голос, переходящий на тонкий визг.

– Ты думаешь из-за твоей фамилии тебе все сойдет с рук?

Но это все в недалеком будущем. Впереди еще пятнадцать минут свободы и тревожного ожидания.

Детские ноги поднимали пыль далеко, на другом конце поля, а тут у ворот без сетки царила смертельная скука. Саша полез в карман и извлек тяжелый серый кирпичик. ПЭВМ (или, как их называли мальчишки – пэвы) нельзя было приносить в школу, но на фоне разбитого витража в школьном фойе, это выглядело мелким нарушением. Как объяснить завучу, что он всего лишь увлеченно показывал траекторию полета ракеты отца от Марса до околоземной орбиты с помощью обломка дверной ручки и половинки кирпича. Вышло, конечно, глупо и некрасиво, и совсем не похоже на него – прилежного ученика, не отличавшегося никогда хулиганистым нравом. Может виной тому сильнейшие аномальные вспышки на солнце, от которых было не по себе уже второй день и ему, Саше, и держащимся за голову учителям, завучу и даже дворовым кошкам. А может невероятное воодушевление по поводу возвращения экспедиции отца, которого он ждал больше года, и мама, и вся страна. Пожалуй, даже, весь мир.

Сейчас там в небе их корабль борется с сильнейшей радиацией и радиопомехами, но медленно и верно приближается к земле.

Пэв пискнул в руке и включился. На небольшом тусклом шестицветном экране появилось пятнистое изображение Луны и маленькие значки прикладных программ. Целое богатство для мальчишки шестого класса: настоящий калькулятор, арифметический вычислитель для несложных формул, часы с будильником, календарь и даже одна игра – несложный симулятор бадминтона. В самом низу экрана в виде маленькой антенны – причина, почему пэвы не разрешали брать в школу. Программка под названием «Эхо» ловила радиочастоты через несложный приемник и преобразовывала их в текст. Можно было вести переписку с другим счастливым обладателем пэва или радиоустройства посложнее, стоило лишь поймать нужную частоту.

Со второй попытки «Эхо» очнулось и заняло весь экранчик пэва. Зеленые строчки замелькали, обозначая случайные переписки. Строчки появлялись и исчезали, становились тускло-серыми. Помехи от вспышек на далеком солнце были сильнее, чем ожидалось. Саша разочарованно смотрел на экран. Все каналы привычных собеседников были неактивны. Только новый ярко-зеленый неизвестный радиолобитель продолжал мигать в середине списка. Саша вздохнул и неуверенно нажал на активную строчку.

«Привет», – выплыл на экран короткий текст.

Саша пожал плечами и потянулся к маленькой клавиатуре под экраном.

«Привет. Ты кто?».

«Игорь», – почти сразу пришел ответ.

«А откуда ты?»

«Из Москвы. А ты?»

«Верхняя Калуга»

«Калуга? Совсем рядом».

Ничего себе рядом. Саша мысленно повертел пальцем у виска. Почти девятьсот километров. Видимо ученик со способностями ниже средних, особенно по географии. Он оглядел двор. Ближайшие собеседники поинтереснее все еще пинали мяч у выдавшей виды клумбы.

«Как ты так быстро печатаешь?» – спросил Саша, тыкая мизинцем по маленькой клавиатуре.

«QQRC – текстовый чат для радиолюбителей. Хотелось попробовать что-нибудь новое, необычное. Ловить карточки и слушать жужжалку немного приелось».

Саша перечитал текст, занявший почти весь экран и снова ничего не понял.

«А у тебя какой девайс? В смысле, с чего общаешься?»

«Пэв», – коротко ответил Саша. Мизинец начинал ныть.

«Эмм... Первый раз слышу. Тоже приложение для чата через короткие частоты? Надо загуглить. Судя по отклику – медленный у тебя девайс»

Иностранец – пронеслось в голове у Саши и любопытство тут же смешалось в нем со страхом в единую гремучую смесь.

«Пэв – персональная электронно-вычислительная машина. Сокращенно – пэв»

«Ого. Отечественный. Какой-то олдскул или закос под ретро?»

«Не понимаю»

Строчка неизвестного шпиона некоторое время мигала (видимо помехи стали сильнее), потом снова расстелилась на весь экран.

«Ну, напиши уже. Интересно. Какой проц, сколько оперативы, если девайс? Андроид? Или это просто прога для яблока»

Из кучи непонятного бреда Саша извлек несколько знакомых слов. Очевидно, незнакомец интересовался техническими характеристиками его пэва. Впрочем, они давно уже не были тайной. Модели помощнее и поинтереснее уже давно поставляли в Болгарию и Югославию. Так мама говорила, внешняя торговля – её работа. Однажды он даже видел, как ее коллеги на работе запустили на экране побольше и поярче, чем у его пэва, десятисекундную хронику с Гагариним.

«20 МГц, 512 кбт, 4 мб ПЗУ», – написал он с легкой гордостью.

«Ну ничего себе музей! Когда ж такие выпускали?»

Саша обиделся.

«Он совсем новый. На моем даже маленький отрезок кинохроники можно воспроизвести»

«Ну, полагаю, это большое достижение. На 128-ми гектарах моего айфона я храню целую фильмотеку».

«Гектарах. Я не понимаю».

Он оторвался от пэва и посмотрел в небо. Корабль «Деймос-1» бесшумно летел домой с его отцом и еще тремя членами экипажа на борту, вопреки солнечному шторму, бушевавшему над стратосферой. Они выйдут на орбиту, смогут, не смотря на повреждения. Нужно просто подождать.

«Мой отец там, на Деймосе 1», – написал Саша.

«Где? Что это, вообще?»

«Ты не следишь?»

«За чем я должен следить?»

Саша начал утверждаться в мысли, что с ним общается иностранец. Хотя, за полетом «Деймоса-1» следил весь мир. Не знать о нем просто невозможно.

«Мой отец возвращается с Марса», – раздраженно пояснил Саша.

Зеленая строчка долго нерешительно мигала. Затем пришел короткий ответ.

«Ясно...»

«Я серьезно!»

«Ну-ну. Знаешь, я лучше предположу, что мы в каких-то разных мирах. Видимо из-за магнитной бури»

«И у вас тоже?», – удивился Саша.

«Что значит „у вас“?»

Саша не успел ответить. Бросив мяч, мальчишки бежали к нему, размахивая руками. Что-то случилось, но с этой стороны поля он не мог разобрать их криков.

«Мне пора», – написал он и поднялся с земли.

«Ну, удачи с Марсом», – пришел ответ, заканчивающийся точкой с запятой и закрытой скобкой. Станный собеседник.

«А почему ты вернулся к радио, имея такие чудесные электронные устройства», – неожиданно для себя написал Саша.

«Мне скучно»

Дети подбежали и плотным кольцом обхватили его. Они смеялись.

– Вышел, вышел на орбиту!

Саша вдруг понял и засмеялся со всеми. Уже не страшно, все закончилось. Даже завуч уже не пугает, и разбитый витраж не так уж важен, но нужно идти. Хотя, сегодня его вряд ли будут ругать.

Он подхватил сумку с земли и побежал к школе со всеми. Заканчивался теплый сентябрь 1978 года.

Младшая группа

Олег снял промокший плащ и пристроил его на переполненной вешалке между зонтом и нежелающими сохнуть осенними куртками. Осенними, а ведь на улице только середина августа. Крупные капли вновь застучали по карнизу, а из приоткрытого окна дул прохладный сырой ветер.

– Вы к нам? – дверь в конце коридора приоткрылась, и из проема выглянула пожилая женщина в огромных очках.

– Да, думаю, что к вам.

Олег зашагал к ней, на ходу протягивая документы. Она взяла бумаги, даже не взглянув на них.

– Олег. Олег Михайлович. Я к вам на стажировку.

Женщина внимательно смотрела на него и молчала.

– На три недели, – уточнил Олег.

– Ну, хорошо. Тогда проходите.

Олег разулся прямо у двери и проследовал за ней. Конечно, не мешало бы спросить имя. Ведь вполне возможно, что он просто ошибся этажом. Вероятнее всего так и было – за дверью оказалась комната, устеленная тонким ковром, на разноцветных столиках в причудливых позах застыли игрушки, полусобранные пирамидки, прозрачные стаканы с цветными карандашами.

– Все на обеде, – сказала женщина, присев на стул в углу, возле небольшого, заваленного бумагами столика. – Меня зовут Марта Петровна. Хотя, думаю, вы это знаете. Работать будете прямо здесь. Второй стол вам не понадобится, я отдам свой, все равно много сидеть мне не приходится.

Она устало выдохнула и посмотрела на него сквозь толстые линзы.

– Есть вопросы?

Вопросы были, но Олег только покачал головой. Не все сразу, сначала нужно обвыкнуться, познакомиться с людьми.

– Поздоровайтесь с Колей, – вдруг сказала Марта Петровна, и едва заметно улыбнулась.

– Простите?

– С Колей. Он же позади вас.

Олег обернулся и увидел мальчика с внимательными глазами и удивительно тонким острым носом. На лбу его красовался розовый, еще не совсем заживший шрам.

– Дерется, сорванец, – объяснила Марта Петровна и обратилась к мальчику. – Почему не в столовой со всеми?

Мальчик надул губы, а глаза приобрели цвет шрама над ними.

– Суп не хочу.

Марта Петровна покачала головой.

– Суп он не хочет. Ну а руки то, чем вымазал? Опять залез в повидло? Горе ты луковое, – она подозвала его поближе и поправила шорты. – Иди умывайся. И лицо умой.

Коля юркнул за дверь туалета и некоторое время подглядывал в щель. Потом зажурчала вода.

– Коля мальчик хороший, хотя и характер непростой. И накормить его сложно. Ничего, вы быстро привыкните к нему. Только конфет много не давайте – потом на животик жалуется.

Олег открыл блокнот и хотел было начать вести запись, но собраться с мыслями не получалось. Марта Петровна все еще внимательно изучала его.

– Вы педиатр?

– Дефектолог, – уточнил Олег.

Из коридора послышался шум, а затем, распахнув дверь, в комнату ворвались две девочки. Одна бежала с куклой в вытянутой руке, другая, истошно крича, пыталась ее догнать и ухватить за край платья. Плачет ли она в действительности или это часть очень эмоциональной игры – понять было невозможно.

– Девочки, немедленно прекратите!

– Это Вика, – начала было девочка в зеленом платье.

– Знать ничего не хочу! – отрезала Марта Петровна. – Верни куклу и обе подойдите ко мне.

Девочки засеменили к столу, виновато опустив глаза.

– А то все расскажем маме, – зачем-то вставил Олег и попытался строго нахмурить брови.

Но на его реплику никто не обратил внимания. Марта Петровна протирала лица девочек влажной салфеткой и нараспев приговаривала:

– Не надо брать чужие вещи, сама не любишь, когда Вика берет твою расческу. А теперь быстренько мириться. Бегом, бегом. Это интернат, Олег Михайлович. Интернат.

Она улыбнулась и скомкав грязную салфетку, отправила ее в урну. Олег кусал губы.

– Я не знал.

– Не страшно. Дайте детям таблетки, как все рассядутся по местам. Они в банке, у меня на столе.

Она похлопала в ладоши, и шестеро детей, потянувшись к столам с низкими стульчиками. Счастливая Вика усадила рядом с собой куклу.

Олег насыпал из прозрачной баночки себе в ладонь горсть белых таблеток. Потом, ссыпал их обратно. Поискал глазами тарелку.

– Просто дайте по одной из банки, – посоветовала Марта Петровна, не поворачиваясь. Она обувала тапки со смятыми задниками. – Я вернусь через пару минут. Справитесь?

Олег утвердительно кивнул.

Раздать таблетки – не так уж сложно. Вика положила ее на кончик языка и тут же показала девочке в зеленом платье. Та сердито грызла таблетку. Она казалась немного старше. Совсем маленького мальчика в таких же маленьких джинсах пришлось упрашивать.

– А вы кто? – спросила девочка с голубым бантом.

– Это Олег, – буркнул покидающий туалет Коля. Он сел за дальний столик, подальше от остальных.

Олег немного постоял с банкой в центре комнаты, чувствуя себя не очень уютно. Потом тихонько подошел к окну и принялся ждать Марту Петровну.

Мелко моросил дождь. На клумбах за окном цвели огромные яркие бутоны пионов, и дождь им совсем не мешал. Дорожки между клумбами, стали совсем серыми от дождя, намокли давно не крашенные лавочки. В песочнице мок забытый кем-то полосатый мяч.

Под окном стояла женщина и смотрела на Олега. Сначала он подумал, что она смотрит в окна, выискивая кого-то, может Марту Петровну. Но она смотрела именно на него. Олег вопросительно кивнул, поздно поняв, что его плохо видно сквозь мокрое стекло. Где-то далеко загрохотал гром.

Олег перевел взгляд на мокрую иву, спустившую ветки уже почти к самой земле. Обрывки тонких веток и листьев усеяли дорожки под ней, а в кроне болтался на ветру зеленый шарик.

– Это мой шарик, – тихо сказал Коля. Олег вздрогнул от неожиданности. Коля ковырял пальчиком стекло и продолжал. – Мы выпускали шарики позавчера. А мой застрял. У всех улетели, а мой там.

– Угу, – сказал Олег и тут же пожалел. Никаких «давай попробуем достать его», «он не хочет покидать тебя», просто – угу. Дурак!

Он обернулся и замер. Коля сидел, обхватив голову руками и беззвучно открывал и закрывал рот. Остальные безучастно смотрели на него, кроме самого маленького мальчика, возившегося с деревянной пирамидкой.

Олег попятился к двери, приоткрыл ее, продолжая смотреть на детей. Коля теперь сидел неподвижно, неестественно вывернув шею. Марта Петровна была очень нужна сейчас, но она все не шла.

Олег быстро юркнул в коридор, зарыв за собой дверь и наткнулся на табличку – «Палата 2. Отделение интенсивной терапии». Из конца коридора доносились голоса.

– Марта Петровна!?

Олег бросился туда, но в нескольких шагах от приоткрытой двери остановился. Та женщина, которую он видел в окне, стояла у стены, зарыв лицо руками. Было件нятно, что она плачет. Из дальнего угла раздавался тихий голос Марты Петровны:

– Вы можете умолять меня, угрожать мне, но я не могу пустить вас к Коле, по крайней мере пока. Это исключено абсолютно.

– Пожалуйста, – женщина всхлипывала. Видимо громкие крики и угрозы были позади. – Я должна его увидеть. Хотя бы на минутку.

Марта Петровна молчала, и Олег догадался, что она сейчас качает головой.

– Он вас даже не вспомнит. И закончим этот разговор. Мне нужно к детям.

Женщина вытирала глаза тыльной стороной ладони. Ей было лет сорок. На ней был промокший плащ. Мокрые волосы прилипли к лицу и шее.

– Вы делаете ужасные вещи! – сказала она. – Если бы я раньше знала, что так будет!

– Никто не знал, что так будет. Уходите.

Невысокая сутулая Марта Петровна шаркала тапками по коридору, больше не обращая внимания на крики за спиной, на голоса охранников. Она прошла мимо Олега, даже не взглянув, и скрылась за дверью комнаты, которую Олег считал детской.

Выкрашенный синей краской коридор был пуст. Стихла возня охранников в конце коридора. Дождь забарабанил по карнизу с новой силой. Олег присел на край одинокой скамьи, уткнулся подбородком в сложенные перед собой руки.

Стажировка должна была пройти совсем иначе. Три спокойные недели в специализированном детском саду, среди персонала и коллег, документов и одного-двух детей, например, с задержкой речевого развития. Меньше всего это место напоминало детский сад, а из персонала кроме Марты Петровны, охраны внизу и директора, с которым он говорил по телефону, никого тут замечено не было. И эти странные таблички на дверях... «Палата 1. Отделение интенсивной терапии» – как раз напротив него и дверь приоткрыта. Олег поднялся, неуверенно подошел ближе и прислушался. Тишина. Только ветер постукивает плохо прикрытым окном. Он заглянул внутрь.

Окна комнаты были прикрыты шторами, и внутри царил полумрак, в котором отчетливо выделялись контуры сохранившейся мебели: все те же цветные столики, маленькие стулья, шкафчики с позабытыми книжками. На стенах покосившиеся цветные плакаты. Запустение и тишина. Под ногой что-то хрустнуло, и Олег нагнулся, поднял с пола половинку цветного карандаша.

– А, вот вы где.

Олег резко обернулся. Марта Петровна стояла позади него, загораживая проход.

– Заблудились?

– Это все вокруг – что это?

Марта Петровна покачала головой и жестом попросила его выйти. Затем аккуратно прикрыла дверь.

– Пойдемте, Олег Михайлович. Выпьем чашечку чая и успокоимся.

– Я никуда с вами не пойду! – Олег неожиданно для себя вырвал локоть их ее руки и отпрыгнул в сторону. Марта Петровна спокойно смотрела на него, затем поправила очки.

– Ну, как знаете. Хотя, чай очень хороший.

– С этими вашими таблетками? Что тут происходит, где остальные? Что это за дети, где их родители?

Он почти кричал.

– Это просто витаминки. Аскорбиновая кислота. Я иногда покупаю – нас не очень-то спонсируют.

– Ну, разумеется. Вы добрая женщина, а я идиот! И чай у вас хороший. И женщине вы не даете увидеться с сыном тоже исключительно из доброты.

Марта Петровна приподняла очки по потерла уставшие глаза пальцами. Затем снова взяла его под локоть.

– Не надо кричать, Олег. Вы же ничего не понимаете. Это не его мать. Это его дочь.

Дети возились со старым деревянным замком, вырезанным каким-то умельцев почти в их рост. Расставляли кукол, толкались и беседовали разными голосами. Замок готовился к осаде, а принцесса уже отправила письмо возлюбленному из далекой страны. И только Коля тихонько рисовал в углу, придерживая локтем лист плотной серой бумаги.

– Вы слышали про проект «Гидра»? – Марта Петровна разливала чай по чистым граненым стаканам. Олег ожидал увидеть чайные пакетики, но тут был настоящий заварочный чайник и вазочка с конфетами.

– Не припоминаю, – сознался он и кончиками пальцев приподнял стакан. Кипяток.

– Уже лет пятнадцать прошло. Все забыли. Или просто не хотят вспоминать. А ведь это был настоящий прорыв в медицине. Возможность получить настоящее бессмертие, снова стать молодым и сильным, избавиться от старческих болезней и страха смерти. Кто бы не согласился, – Марта Петровна невесело усмехнулась. – Я работала в исследовательской группе. Тогда здесь был крупный медицинский центр и деньги лились рекой. В основном от тех, кто вызвался добровольцем в группу подопытных. Уж простите, но иначе я и сказать не могу.

– Проект «Гидра»? – уточнил Олег.

– Да. Странная ирония. Вы знали, что речная гидра – практически единственное бессмертное существо на Земле и в то же время одно из самых беззащитных?

Коля тихо кашлянул, привлекая внимание. Он показывал рисунок: взрослый держит за руку маленькую девочку с кудрявыми волосами. Мороженное в ее руке больше самой девочки.

Марта Петровна улыбнулась и подняла большой палец вверх.

– Коленька. Николай Константинович. Крупный банкир и меценат. Наверное, больше него в проект никто не вложил денег. Он так мечтал о молодости и бессмертии. Неприятный был человек, наглый и недалекий. Больше всего хлопот было именно с ним.

– И что же случилось?

– Катастрофа. Действие препаратов оказалось нестабильным. Молодость? Это да. Но где тот нижний предел, на котором процесс обновления и омоложения организма остановится? В тридцать лет и три года? Как бы не так. Природа – хитрая и жестокая штука. Нет, иногда процесс замедляется и останавливается совсем, а иногда вдруг резко возобновляется, и Вика, читающая книжки, уже с трудом справляется с горшком. Но хуже всего – воспоминания. Они возвращаются, и детский мозг не может с этим справиться. Вот почему, Олег Михайлович, я никого не пускаю к ним.

Олег поставил стакан. Чай почти остыл, но пить совсем не хотелось.

– И что же стало?

– Как видите. Проект закрыли, виновных наказали, финансирование прекратилось. А палаты переоборудовали в детский сад. Теперь я вырезаю им игрушки из цветной бумаги

на новый год и пою чаем из дома. Не так все плохо, конечно. Пока еще нас содержат за счет какого-то НИИ тут поблизости. Но иногда нужна просто помощь.

– Вы тут совсем одна?

Марта Петровна подлила себе чай и развернула аккуратно подложенный ей под локоть рисунок. Улыбнулась.

– Тут все совсем иначе. Вы еще не понимаете пока. Ведь у вас три недели, а у них, – она кивнула на возящихся с игрушками в углу детей, – вечность.

Олег молчал. Тикали часы, намекая на конец рабочего дня, за окном совсем потемнело, дождь и ветер унялись. Зажегся уличный фонарь.

– Надо достать шарик, – сказал Олег тихо, словно про себя.

– Что, простите? – Марта Петровна наклонила голову.

– Шарик Коли. Завтра попробую, – он посмотрел в окно. – А то обидно. Он остался. Все улетели, а он застрял тут и остался.

Сегмент памяти

– Закройте свои учебники и тетради, достаньте листки бумаги и ручки. Лавриков, я непонятно сказала?

По классу прокатился дружный вздох. Книжки и изрядно потрепанные за учебный год тетради отправились в школьные сумки и портфели. На столах расположились извлеченные из тетрадей и блокнотов листки. Вырвать лист – это целая наука. Кто-то рвет не глядя, оставляя на скрепках бумажные лохмотья, а кто-то аккуратно, сначала отрывая верхнюю часть, а потом нижнюю. Есть и такие, кто разгибает краешком циркуля или линейки острую скрепку, а потом загибает снова. Проще тем, у кого тетрадь на пружине, а вот с клееными вообще беда – линия отрыва неровная. К таким листкам, по мнению многих в классе, Лариса Сергеевна придиралась и занижала оценки, видя рваный край. Впрочем, говорили это не самые способные ученики.

Лавриков помялся над раскрытой тетрадью. Она была исписана больше чем на половину, и вырвать лист из середины вообще не представлялась возможным. Придется клянчить у соседки Иры. Та уже подозревала грядущее унижение Жени и едва заметно улыбалась. У нее двойные листки были заготовлены на целую четверть.

– На случай, если мы не успеем записать домашнее задание, предлагаю сделать это прямо сейчас. Активируйте карты памяти и вставьте в порты.

Женя нащупал в кармане тяжелый тонкий прямоугольник и извлек его на стол. Ничего особенного, как коробок спичек, только вдвое тоньше и весит грамм сто. Сверху прочный металлический корпус с выбитыми буквами и номером – «Лавриков Е. М. 66/3321/6». Женя точно знал, что первая цифра означает год его рождения, а больше ничего не знал. Вставлялась карта памяти в специальный порт прямо на парте.

– Я передаю вам два документа: задание на следующий урок и отрывок из произведения Льва Толстого «Декабрь». Настоятельно рекомендую прочитать и..., – Лариса Сергеевна вдруг замерла, нагнулась над монохромным монитором и поправила очки. Ее лицо необратимо менялось, принимая то самое выражение, которое хорошо знакомо каждому опаздывающему на ее уроки по литературе.

– Лавриков!

Класс почувал неладное. Лариса Сергеевна обычно злобно брзжала или сверлила взглядом, когда была не в духе, но привычки кричать за ней не водилось.

Женя встал, сутуля плечи. От этого казалось, что его костюм висел на нем как на вешалке.

– К директору, быстро! – прошипела учитель.

Женя побрел через класс под молчание ребят и под гневным взглядом учителя.

– Карту возьми!

Коридоры пустые и белые. На стенах фотографии спортсменов, которые покорят сердца болельщиков на олимпиаде в Москве в следующем году. Стенгазета, сделанная девочками из старшего класса. На ней станция «Мир», уже второй месяц делающая виток за витком на орбите Венеры. Когда-нибудь он отправится туда, решил про себя Женя, а может не он, а Егор Антонов, а он, Женя, станет олимпийским чемпионом.

Но реальность уткнулась ему в нос белой крашеной дверью директора. Табличка гласила, что там находится «Сергей Григорьевич», но закрытый замок намекал, что внутри его нет. Позабывшая про контрольную Лариса Сергеевна указала ему на стул в углу, а сама отправилась в класс наводить порядок и усложнять тему сочинения.

Егор прибежал через десять минут.

– Ты чего тут? – тихо спросил Женя.

– В туалет на минуту отпросился. Еле отпустила. Ты что, совсем с головой не дружишь? Женя повертел в руках карту памяти. Она казалась тяжелее обычного.

– Ты бы еще карикатуры на училок туда сохранял. Скрытый раздел тебе на что, балда? Женя махнул рукой.

– Ладно, расскажешь потом.

Эпизодом короткого, шумного, но не интересного кино прошла перемена. Никто его не трогал, не пытался заговорить, только сочувственно поглядывали издалека. А затем пришел Сергей Григорьевич. Он посмотрел на Женю поверх очков и вошел в кабинет, за ним в приоткрытую дверь юркнула Лариса Сергеевна. За дверью громко говорили, но разобрать, что именно было нельзя. Женя подбрасывал на руке ненавистную карту памяти. Он скрыл пальцами первые и последние буквы фамилии на ней, между пальцев проглядывало слово «ври».

– Зайди, – велела Лариса Сергеевна, приоткрыв дверь. Ее лицо было красным.

В кабинете директора было светло и прохладно. На окне пылился кактус, а за окном блестело зимнее солнце, отправляясь к краю неба. Над далекими пятиэтажками замерли белые облака, а крыши искрились от хрустящего снега.

– Вот, полюбуйтесь на него!

Женя стоял у края стола, а за другим его концом возвышался в своем кресле Сергей Григорьевич.

Лариса Сергеевна выхватила карту памяти из пальцев Жени и громко положила перед директором. Стук метала о полированный стол отозвался в его ушах глухим эхом.

– Вот это она и есть? – тихо спросил директор.

Лариса Сергеевна кивнула. Она не любила директора, считала его мягким к ученикам и несправедливым к учителям, а, точнее, к ней, но вынужденно уважала.

– И что же там? Ответишь мне, Женя?

– Певичка. Иностранная певичка! – выпалила учительница, не дожидаясь ответа.

Женя переступил с ноги на ногу.

– Вообще-то она актриса, – тихо сказал он, почти бесшумно.

– А вы спросите, где он взял эту фотографию. Не иначе как сохранил с закрытого канала. Не удивлюсь, если в их семье смотрят закрытые каналы, учитывая, что его отец работает в консульстве, – последнее она сказала, будто плюнула. – Допустим. Но хранить это на личной карте, это уж слишком. И я вам больше скажу – необходимо проверить личные карты памяти всего класса, а может быть и всей школы.

Сергей Григорьевич снял очки и потер пальцами глаза.

– Ну, это вы уже перегибаете, Лариса Сергеевна.

– Неужели? А вот этому парнишке через пять лет будет восемнадцать и карту он получит пообъемнее с закрытым разделом покрупнее. Что у него там окажется на ней, вы представляете. А если это будут гол..., – она запнулась и мельком глянула на Женю. Тот молча стоял и перебирал пальцами.

– Нет, определенно нужно взглянуть на его скрытый раздел.

– Ну, вы же знаете без меня, что это возможно лишь с санкции народного суда.

Лариса Сергеевна открывала и закрывала рот, готовясь сказать что-то еще.

– Вот что, оставьте нас ненадолго. Я должен поговорить с учеником.

– А вы уж поговорите! Поговорите!

Когда закрылась дверь, стало тише. Сергей Григорьевич снова надел очки и принялся разглядывать карту памяти.

– Пять мегабайт. Ого! Заграничная?

– Папа привез.

– Понятно. А стандартная где?

– Отказались. Папа заявление писал.

Директор понимающе кивнул и вернулся к карте.

– Лучшее детям, значит.

Женя пожал плечами. За окном стремительно темнело.

– Ты хоть знаешь, как зовут эту актрису?

– Одри вроде. Сергей Григорьевич, я не специально! – начал было Женя, но директор остановил его жестом.

– Одри. Мне нравились фильмы с ней. Она хорошая актриса и фильмы хорошие. И многие девочки, думаю, хотели бы подражать ей, но закрытые каналы смотрят не во всех семьях, Женя. Скажи, тебя кто-то попросил достать снимок? Кто-то из девочек?

Женя промолчал.

– Ладно. Может, ты просто хотел похвастать, что на вашем телевизоре есть доступ к зарубежным фильмам. Я это осуждаю, но это не преступление. Просто мальчишество.

Женя кивнул.

– Хранение информации – большая ответственность, Женя. И к этому нужно подходить серьезно и со всей ответственностью. Одри чудесная актриса и, возможно, прекрасный человек, но фотографии с ней не место на личной карте памяти, понимаешь? Даже в секретном отделе. Эта карта, – он поднял блестящий прямоугольник перед собой, – твой багаж знаний. Книги, личные данные, заметки. В перспективе – конспекты лекций, диплом и диссертация, научные труды. Это вещь, которая должна помочь тебе стать лучше, чем может быть человек.

Сергей Григорьевич запнулся и отвернулся к окну. Он выглядел старым.

– Что я несусь? Ты же мальчишка.

Темнело. В кабинете автоматически зажегся свет, но черное окно и корешки пыльных книг в широких шкафах поглощали, казалось, добрую его половину.

– Это сотри и отдай отцу, – он пододвинул карту к ученику. – Скажешь всем, что потерял. Завтра отец твой напишет заявление, и получишь новую, стандартную. На этом все, иди.

– Сергей Григорьевич...

– Знаю. Пожалуйста.

Женя вышел в коридор. Двери в пустые классы были раскрыты, обнажая ряды обезлюдевших парт. Из кабинета химии пахло ацетоном, а в кабинете математики горел свет. Уборщица возилась там со шваброй, периодически звякая железным ведром.

Из дверей в его класс вышла Ира, как ни в чем не бывало, хотя уроки уже давно закончились. В темноте ее форма казалась черным платьем, а прическа... В самом деле, неужели никто не видит этого сходства, просто поразительного?

Она прошла мимо и протянула ему на ходу свой портфель.

Они шли, тихо цокая по кафелю коридора. Их шаги отзывались от стен пустой школы. А коридор такой длинный и темный впереди, только их тени протянулись на полу, отброшенные светом из кабинета математики.

– Ира...

Нам нужно жениться!

– Марк, нам нужно поговорить.

Марк понял, что притворяться спящим уже не получится, даже отвернувшись к стенке и размеренно дыша, и, вздохнув, повернулся. Тусклые часы на столике показывали без четверти два.

– Почему не спишь?

Лицо Лизы не выглядело ни раздражённым, ни обиженным, скорее слегка озадаченным.

– Марк, нам нужно жениться.

– Здравсьте, – Марк рывком сёл в кровати и нащупав на прикроватный столик очки, нацепил их на нос. Действительно без четверти два. Все бы ничего, если бы завтра не понедельник, который по определению легким не бывает. – А ничего, что до конца года баланса ещё три месяца?

– А что это решит, Марк? Кварталом раньше или позже, мы выберем спутника. Ты не видишь, что необходимость уже есть?

Марк пожал плечами. Вздохнул снова. Разговор явно не на пять минут.

– Хорошо, если ты так решила, со следующего месяца начнём искать спутника. Точнее, спутницу. Ты же сказала, что мы должны жениться, а не выйти замуж.

Он притворно зевнул и потянулся к будильнику. Лишних десять минут с утра не повредят. Можно пожертвовать зарядкой.

– Ну вообще то...

Марк устало потёр глаза.

– Ты назначила свидание?

– Два свидания, Марк.

Он выжал из себя улыбку.

– Нет проблем. Только не в четверг – у нас собрание.

Марк поднялся и пошарил ногой под кроватью в поисках второго тапка.

– Ты куда, Марк?

– Попью воды.

Он прошёл на кухню не включая свет, налил полстакана воды из прозрачного графина, побродил глазами по содержимому холодильника, а потом аккуратно выглянул в спальню. Лиза уже спала. Он прикрыл дверь, прихватил стакан и недопитую бутылку вермута из шкафа и тихо прошуршал потертыми тапками к лестнице в подвал.

У прежних хозяев тут был гараж, но Марк машину не водил и использовал просторное помещение под кабинет и мастерскую. Случайного посетителя тут встречали два стеллажа с книгами по квантовой физике, стол с чертежами, удобное кресло и второй маленький стол с закрепленной над ним большой линзой. На столе пылился забытый паяльник.

Марк сел в кресло, залпом выпил воду и наполнил стакан вермутом.

– Свидание она назначила...

В тишине гаража его голос прозвучал хрипло и зловеще.

Заканчивался год баланса. Тот самый, после которого супружеская пара наконец определялась с выбором третьего спутника. Марк наивно надеялся, что Лиза забудет про приближающуюся дату, но произошло всё с точностью до наоборот.

Марк отпил большой глоток вермута, поставил стакан на стол и нацепил на голову усеянный тонкими усиками антенн шлем, на глаза напоззли привычные темные очки без стекол. Марк улыбнулся. Кустарно собранное и наполовину упакованное в корпус устройство на столе тихо зажужжало, красный индикатор сменился на оранжевый, затем на синий. Глубоко вздохнув, Марк откинулся в кресле и закрыл глаза.

Числа плясали перед глазами и никак не хотели складываться в стройную красивую формулу. Что-то явно было не так. Семь пустых стаканов из-под кофе на столе тоже не давали ответа. Марк потер виски, аккуратно выглянул за дверь и бесшумно запер ее на один оборот, затем раскрыл окно. Пачка сигарет и зажигалка давно напоминали о себе во внутреннем кармане пиджака, а позади осуждающе мерцал глазок сигнализации.

– Не смотри, – пригрозил ему Марк и залез на подоконник подальше.

Над Старой Рязанью рваными клочьями летел туман. Его приносило с Оки утренним ветром, а потом он влажной ватой заполнял все пространство между городскими кварталами.

В дверь постучали, и Марк от неожиданности выронил сигарету, она тусклым огоньком скрылась в тумане.

– Иду.

Вошла Лиза, осмотрелась по сторонам.

– Ты чего закрылся?

– А ты зачем здесь?

– Забыл? У нас же свидание.

Марк опустил в кресло и сложил руки перед собой. Точно, как на совещании.

– Лиза, еще три месяца!

Она села напротив.

– Марк, послушай. Это ненормально. Я бы не стала тебя торопить, но ты ведешь себя в высшей степени странно.

– Поясни.

– Ты же всегда где-то, только не со мной. Ты даже спать ложишься раньше, чтобы проскользнуть к себе в подвал, когда я делаю вид, что сплю. Не зная тебя, Марк, я бы решила, что ты держишь там любовницу.

– Я работаю.

– Каждую ночь? А эти твои слова о моногамных браках на дне рождения брата? Мне было стыдно Марк. К счастью, мои родные адекватные люди и решили, что ты просто пошутил. Но это ненормально.

Марк потер руками лицо. Некоторое время они молчали.

– Ну, послушай. Извини меня за резкость, видимо не выпалась. Но это же просто свидание. Оно же ни к чему не обязывает. Просто ходим, а?

Она улыбнулась и умоляюще сложила перед собой руки.

Марк не выдержал и рассмеялся.

– А пойдем! Может ты и права.

В кафе былолюдно, но их столик находился за колонной, украшенной искусственным вьюном, недалеко от окна. Тут музыка была тише, а зеваки-посетители заходили сюда редко, впрочем, как и официанты.

– Волнуешься? – спросила Лиза.

– С какой бы стати?

– Обещай не болтать глупостей.

Марк улыбнулся. Отчасти Лизе, отчасти своим мыслям. Нестерпимо хотелось вернуться в тишину мастерской и раствориться в иной реальности под колпаком самодельного шлема.

Девушка опоздала на десять минут. Она была симпатичной, чуть ниже Лизы ростом и с чуть более светлыми волосами. Ее улыбка была очаровательна. Лиза смотрела на нее, а Марк на Лизу.

– Оля, – представилась девушка.

«Красивая она», – Марк все еще смотрел на Лизу.

Они сидели в кафе уже минут двадцать, и обеденный перерыв подходил к концу, но никого это не беспокоило.

– Я считаю это старомодными предрассудками, что спутник ниже по статусу чем супруг. В браке равны все одинаково, разве не так? Более странно – спутника не иметь, чем быть им, – Оля засмеялась.

– А чем вы занимаетесь? – поинтересовалась Лиза.

– Работаю, как и все. Финансовый отдел администрации. Недавно вернулась из заграничной поездки. Масса впечатлений.

Марк оживился.

– И где были?

– Речь Посполитая, Франция, Бургундия, Кастилия. Хотела еще попасть в Арагон, но туда визу сейчас не получить. Да, еще в Валенсии была пару дней.

– Испания в общем, – тихо заключил Марк.

Оля непонимающе улыбнулась, а Лиза только махнула рукой.

– Шутник. Марк, нет такой страны – Испания. Не пугай девушку.

– Ну, почему, – вступилась Оля, – иногда так называют мавританскую Андалусию. А вы любите путешествовать?

– В Сибири был в командировке, – коротко ответил Марк.

– Ого. Говорят, холодная и суровая страна.

– Ну, это с чем сравнивать. Нам не пора?

Все посмотрели на часы.

– Пожалуй, – согласилась Оля. – Еще увидимся на этой неделе?

– Разумеется, – Лиза толкнула Марка в бок и тот растянулся в улыбке.

– Оля, а вы физикой не увлекаетесь? – вдруг спросил он.

Лиза выразительно посмотрела на мужа, но тот продолжил:

– Ну, а вдруг. Я просто спросил. Я сам физик-теоретик. Работаю над теорией квантового непостоянства.

– А что это означает? – заинтересовалась Оля.

– Ну, в общих чертах, представьте, Оля, что наш мир не единственный. Каждое мгновение их появляются миллиарды миллиардов и все они существуют параллельно с нашим. Между какими-то из них различия в один атом, а где-то есть Испания. Все, конечно, намного сложнее...

– Это интересно, – сказала Оля. – Я бы послушала.

– Отлично! – подытожила Лиза. – Значит на выходных.

Они возвращались вдвоем.

– Вот что ты за человек, – сказала Лиза у самых дверей института.

На кухне гремела посуда. Лиза готовила свой лучший пирог в своем лучшем платье. Марк некоторое время любовался ей. Красивая. Самая красивая из всех девушек, что он знал. Но не она. Стащив из шкафа бутылку мартини, он спустился в гараж.

– Марк, ты там? – послышалось из кухни.

– Да, я немного поработаю.

– Не засиживайся. Гости в шесть. И, кстати, ты не забыл, что завтра второе свидание?

Марк пожевал губу, затем крикнул как можно более спокойным тоном:

– Я его отменил. Оля – хорошая девушка, зачем нам другие варианты.

Лиза согласно хмыкнула.

– А я рассказывала тебе, что в восемнадцать чуть сама не стала спутницей.

– Вот за столом и расскажешь.

Марк поморщился.

– Лиза! А второе свидание... Я набрал номер, а там был парень. Когда ты собиралась мне сказать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.